

Copyright © 2022 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 1022-1032
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.1022

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Social and Public Life of Austro-Hungarian War Prisoners in Western Siberia and Turkestan (1914–1917)

Sholpan A. Zabikh^b, Yusuf M. Jihangir^{a,*}, Gulzhamal T. Zhoraeva^a, Tengesh S. Kalenova^c

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

First World War contributed to the formation of the destinies of Austro-Hungarian subjects in a new historical and geographical environment. In the West Siberian and Turkestan territories, which were considered distant provinces of the Russian Empire, their fate was checked as prisoners of war. The political-ideological and socio-legal aspects of prisoners of war in Western Siberia are among the historical issues widely discussed in historiography. Recently, researchers have been interested in the situation with the adaptation of prisoners of the First World War in the new regions where they were placed. And the issues of the national composition, socio-public and medical-sanitary situation of Austro-Hungarian prisoners of war placed in concentration camps and cities of Western Siberia and Central Asia (Turkestan) are becoming increasingly important in modern history. In Russian studies, one of the topics discussed at a high level is the aspects of ethnicity, labor conscription of prisoners of war in Turkestan and Western Siberia. But the social and everyday issues of the situation of refugees from the European part of Russia to Central Asia in 1915–1916, concerning prisoners of war, still require comprehensive consideration. Due to the arrival of refugees, the conditions of detention of prisoners of war in the camps and cities of Turkestan were complicated. In addition, scientific consideration of the socio-social status of prisoners of war in Turkestan is among the topical topics. This article examines the social and social levels of Austro-Hungarian prisoners of war in Western Siberia and Turkestan in 1914–1917 on the basis of archival data. Also, the research paper provides an objective assessment of the positions and views on the study of the history of prisoners of war.

Keywords: Austro-Hungarians, prisoners of war, Western Siberia, Turkestan, the First World War.

1. Введение

В последние годы со стороны российских и казахстанских историков увеличивается объем исследований, касающихся проблем военнопленных Первой мировой войны. Несомненно, одной из важнейших задач научных изысканий в этом направлении является изучение проблемы в рамках принципов объективности и всесторонности, опора на новые архивные источники.

Кроме того, к повышению актуальности темы исследования добавим и рост внимания чешских, австрийских историков, интересующихся судьбами австро-венгерских военнопленных в Сибири и Центральной Азии. Особенно доказывают эту мысль запросы чешских историков по архивным документам, относящимся к немецким и австро-венгерским военнопленным, которые были размещены в Туркестанском военном округе в 1914–1917 гг. Так, в период с 2015 по 2021 годы в Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) с помощью электронных ресурсов поступило 27 запросов от историков Чехии. Большая их часть была сделана с целью доступа к документам, связанным с жизнью австро-венгерских военнопленных, живших в Туркестане.

* Corresponding author

E-mail addresses: kaz-bo@mail.ru (Y.M. Jihangir)

Научная новизна работы характеризуется введением в научный оборот новых архивных документов по проблеме австро-венгерских военнопленных, размещенных в 1914–1917 годах в различных социально-бытовых условиях на территории Западно-Сибирского и Туркестанского регионов Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследовательской работы составляют материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) и Государственного архива г. Ташкента (г. Ташкент, Узбекистан). В данных архивах содержатся приказы, постановления администраций гражданско-военного управления царской России, направленные на реформирование социально-хозяйственной системы страны в период войны. В вышеперечисленных документах важное значение имеют приказы, доклады администрации Российской империи по переводу военнопленных из одного населенного пункта в другой, усилению документальных проверок в Туркестанском крае в отношении военнопленных. Кроме архивных документов, особо следует отметить сборник материалов «Особые журналы Совета министров Российской империи», составленный в 1915 году (*Особые журналы...*, 2008). Также в исследовательской работе были задействованы приказы и телеграммы местных органов власти по использованию силы военнопленных в сельском хозяйстве и промышленности.

Методологическую основу исследовательской работы составили методы историко-генетического, историко-систематического, сравнительного анализа, диахронического анализа, исторической периодизации. Так, историко-генетический метод помог раскрыть сущность причин различной степени социально-бытовых условий австро-венгров во времена Российской империи и Временного правительства. На основе диахронического анализа удалось определить положение австро-венгров в ходе одного исторического процесса в зависимости от времени. Метод сравнительного анализа использовался в исследовании при определении типов и сходств документов, относящихся к периодам царской России, Временного правительства. В понимании особенностей адаптации пленных, размещенных в городах и лагерях Туркестанского края, к географо-климатическим условиям Средней Азии, мы использовали ретроспективный метод, который позволил достичь оценки современных природно-климатических условий Центральной Азии и определить ее роль в исторических процессах.

3. Обсуждение

При анализе историографии, касающейся данной темы, периоды можно разделить на 3 этапа с учетом их хронологических и теоретико-методологических особенностей:

- 1) дореволюционный, или имперский;
- 2) советский;
- 3) современность.

Подданные Австро-Венгерской империи жили на территории Российской империи еще до Первой мировой войны. В городах Западно-Сибирского края австрийские предприниматели владели различными предприятиями. Историко-общественные аспекты их существования мало рассмотрены в имперской историографии, ее объем, посвященный изучению положения военнопленных в России в 1914–1917 гг., невелик. В имеющихся исследовательских трудах обсуждалось, что военнопленные были обеспечены в соответствии с международными нормами и имели ряд правовых преимуществ. К числу таких относится работа Г.П. Альбата (*Альбат, 1917*), в которой было уделено внимание социально-правовым аспектам военнопленных, попавших в плен в войнах, которые были в истории Российской империи, и их характеру в Первой мировой войне. В работе А.И. Белинского дана всесторонняя оценка состояния организационно-медицинского обеспечения военнопленных на ранних этапах Первой мировой войны (*Белинский, 1914*).

Историография имперского периода отличается научно-практическим анализом и объективностью, потому что в тот период в изучение науки не были внедрены политико-идеологические установки власти. По сравнению с эпохой Советского Союза, царская российская администрация стремилась занять нейтральную позицию в науке. При этом большинство авторов имперского периода выполняли не только роль исследователей, но и считались в числе исполнителей государственных политико-общественных и экономических проектов.

При рассмотрении теоретико-методологического содержания структуры историографии в советский период было много противоречий. Известно, что в советской идеологии Первая мировая война характеризовалась империалистической войной. Советские авторы придавали большое значение рассмотрению проблемы на фоне негативных последствий, полученных Россией в войне, и ее влияния на движение пролетариатского класса. Кроме того, в советской историографии важное значение придается вопросу репатриации военнопленных и позициям большевистской власти в процессе ее осуществления. Между тем количество исследований, касающихся судьбы австро-венгров и их различных ролей в социалистическом строительстве после образования Советского Союза, невелико.

Среди советских авторов одним из первых, кто провел исследование, касающееся жизни военнопленных Первой мировой войны, был Н.М. Жданов. В его труде (Жданов, 1920) дан сравнительный анализ положения военнопленных на противоположных сторонах. Исследователь сделал собственные выводы по уровню обеспеченности социально-медицинским оборудованием военнопленных Австро-Венгрии, Германии.

В работе И.В. Маевского (Маевский, 1957) проведен всесторонний анализ состояния российской экономики в ходе Первой мировой войны. Безусловно, автор уделял большое внимание факторам, связанным с падением развития экономики империи и его последствиями.

В 1960–1970-е годы в советской истории были изданы публикации, имеющие отношение к роли чехов, словаков, русинов в установлении социалистического строя в республиках Сибири и Центральной Азии. В этом контексте особую актуальность приобретает статья Г. Сенчека «От Кракова до Туркестана» (Сенчек, 1961). В ней опубликованы воспоминания чехов, словаков, русинов, участвовавших в Октябрьской революции и Гражданской войне в России. Кроме того, описаны их рассказы и приведены статистические данные о героических подвигах, проявленных в установлении социализма в Туркестанском регионе.

Ряд работ в этом направлении дополняет исследование Ш. Ганна (Ганн, 1961). В нем изучено вступление словаков в ряды Красной Армии и их вклад в установление социалистического строя в сибирских городах. Аналогичное исследование связано с именем А.М. Матвеева (Матвеев, 1977). Автором дана оценка социально-санитарного состояния иностранных военнопленных в концентрационных лагерях Средней Азии. Кроме того, проведен анализ их отношений на пути сотрудничества с большевиками и их совместных действий против контрреволюционных сил в странах Центральной Азии.

В монографии А.Х. Клеванского (Клеванский, 1965) проведен глубокий научный анализ исторической судьбы Чехословацкого корпуса, расположенного в сибирских городах России в 1914–1920 годах. Автор приводит сравнительные суждения о различии отношений царской российской власти и большевиков к представителям славянских национальностей, таких как чехи, словаки, русины, в среде австро-венгерских, германских военнопленных. Формулируя свою точку зрения, автор обосновывает, что с приходом к власти большевиков произошел выход России из несправедливой войны и после этого военнопленные Австро-Венгрии, Германии имели конкретную возможность вернуться на родину.

В публикации В.Н. Большакова (Большаков, 1980) проанализирована роль военнопленных в пополнении рабочей силы в Омске, Усть-Каменогорске, Петропавловске в годы Первой мировой войны и эффективность их труда.

Обобщая значение советской историографии в рамках темы, отметим, что она уделяла огромное внимание политико-идеологическим и социально-экономическим аспектам. Особенно следует отметить, что в советской литературе большое значение придавалось борьбе и дружбе австро-венгерских военнопленных на стороне большевиков в годы Октябрьской революции, Гражданской войны. Также к числу основных проблем относились недостатки царской российской администрации в социально-медицинском обеспечении военнопленных.

Постсоветская историография добилась значительных успехов в изучении темы. Увеличен объем исследований по теме и значительно усовершенствованы его теоретико-методологические позиции. Для историков открытие доступа к засекреченным архивным документам и снятие политико-идеологических ограничений привели к появлению новых выводов и суждений. В работах в этом направлении среди постсоветских стран хорошо видны результаты российских исследователей, которым удалось определить соответствующую объективную оценку социально-правового статуса и роли австро-венгерских военнопленных в политической и экономической сферах царской России и советского периода.

В этом контексте особое значение имеет публикация Н.В. Грекова (Греков, 1997), который придавал значение социальному положению и процессу адаптации австро-венгерских военнопленных, размещенных в Сибири в 1914–1917 годах.

В работе С.Н. Васильевой (Васильева, 1999) глубоко исследованы вопросы социального положения и санитарно-эпидемиологического контроля военнопленных Австро-Венгрии, Германии, России.

Актуальность публикации Ю.В. Киреевой (Киреева, 2006), рассмотревшей социально-психологические аспекты условий содержания австро-венгерских и немецких военнопленных, размещенных в концентрационных лагерях Туркестанского военного округа в 1914–1917 годах, является высокой.

В монографии Ф.М. Бейли (Бейли, 2013) проведены архивные исследования, касающиеся процесса адаптации австро-венгерских и немецких военнопленных, помещенных в лагеря на территории Семиреченской, Сырдарьинской областей Туркестанского военного округа, к новым географически-климатическим условиям. Также в ней приведены сведения, касающиеся фамилий лиц, относящихся к группе чешских, словацких, русинских этносов, воевавших на фронтах Гражданской войны в Средней Азии. В публикации Б.В. Колесникова (Колесников, 2018) дана

объективная оценка ситуации в России с военнопленными, состоящими из русинов и других славян в 1916–1917 годах.

Историческая судьба европейцев, живших в Российской империи и в советские времена на территориях современного Казахстана и центральноазиатских республик, становится одним из важных объектов исследования для историков этих стран. Например, в научной работе узбекских исследователей О. Ата-Мирзаева, В. Гентшке, Р. Мургазаевой ([Ата-Мирзаев и др., 2004](#)) собраны интересные факты об истории и дружеских отношениях представителей немецкой, чешской, словацкой, венгерской, русинской национальностей, проживавших в Ташкентском, Ферганском регионах в периоды Российской империи и Советского Союза с местными народами.

В исследованиях казахстанского ученого Л.А. Бургарта ([Бургарт, 2002](#); [Бургарт, 2003](#)) собраны личные и архивные материалы, касающиеся истории подданных Германии, Австро-Венгрии, проживавших в Алтайском крае в начале XX века.

В публикации Б.К. Дулатова ([Дулатов, 2019](#)) подробно проанализирована история репатриации граждан бывшей Австро-Венгерской империи из Западной Сибири в 1920-е годы. В ней описаны причины прибытия в Россию граждан бывшей Австро-Венгерской империи и важные данные, касающиеся видов деятельности и этнической принадлежности.

Обобщая уровень общей научной изученности темы, отметим большой объем исследований по проблемам военнопленных, Октябрьской революции, Гражданской войны и репатриации граждан бывшей Австро-Венгерской империи. Их основной источник данных составляют архивные документы и мемуары, воспоминания и др. Однако количество исследований по истории и социальному статусу граждан бывшей Австро-Венгрии, живших в условиях социалистического устройства в советское время, не имеет значительного объема, что подтверждает актуальность темы нашего исследования.

4. Результаты

Военнопленные из Австро-Венгрии в Западной Сибири: социально-медицинское положение и использование в качестве рабочей силы

По данным Генштаба русской армии на 1 сентября 1917 года, на территории России находилось 1,8 млн военнопленных ([Еремин, 2007: 259](#)). Несмотря на удаленность от поля фронта, значительная их часть располагалась в концентрационных лагерях Западной Сибири и Средней Азии (Туркестан). Ряд военных успехов русской армии на Австро-венгерском направлении в 1915 году привел к пленению нескольких сотен тысяч военнопленных ([Котюкова, 2006: 49](#)). Летом 1915 года на территории Акмолинской, Тобольской, Семипалатинской, Томской областей Омского военного округа (Западная Сибирь) было размещено около 115 тысяч военнопленных ([Еремин, 2007: 259](#)). В «Положении о военнопленных», утвержденном Николаем II в октябре 1914 г., обосновывалось гуманное отношение к пленным в соответствии с правилами Гаагской конвенции 1907 г. ([Особые журналы, 2008: 74](#)). Условия содержания военнопленных требовали дополнительных работ для военно-административных структур Западной Сибири. Общежития, государственные учреждения в городах не соответствовали проживанию многих тысяч человек ([Греков, 1997: 161](#)).

В целях решения этой проблемы западносибирская администрация предусмотрела строительство концентрационных лагерей и рассчитала финансовые затраты на их строительство. В общей сложности затраты на строительство одного концлагеря составили 250 тыс. рублей. В одном лагере могло проживать до 10 тыс. человек, и соответственно учитывались санитарные требования ([Еремин, 2007: 259-260](#)).

Одной из проблем, решение которой было затруднено в условиях содержания военнопленных, являлось обеспечение медицинскими услугами. Из-за низкой материальной базы лечебных учреждений в городах Западной Сибири возникли препятствия в реализации этой задачи. Особое внимание было уделено мерам профилактики и ликвидации эпидемиологических заболеваний, в первую очередь борьбе с тифом, возникшим в 1914 году среди пленных в Новониколаевске ([Большаков, 1980: 155](#)). С помощью квалифицированных врачей из Томска и Екатеринбурга было предотвращено усиление данного эпидемиологического заболевания. С сентября 1914 г. по август 1915 г. в Новониколаевске тифом заболели 5 328 человек из 19 903 военнопленных. Из них 2 036 человек умерли, 3 012 – выздоровели. В целом смертность среди пленных Первой мировой войны, размещенных в России, составила 4 % от их общего числа ([Яковлев, 1993: 105](#)).

В целях недопущения новой партии больных пленных, прибывающих в города Западной Сибири из Европейской России, в Челябинске на железнодорожном узле был построен изоляционный лагерь. Он находился под надзором военно-санитарной инспекции. Пленные, которых привезли с фронта, при подозрении заболевания должны были пройти лечение в данном лагере ([Еремин, 2007: 260](#)).

Кроме того, для повышения доступности медицинских услуг военнопленным был разработан план строительства специальных военных лечебных учреждений, то есть власть стремилась не допустить посещения ими городских гражданских больниц. Новые инфекционные учреждения для военнопленных назывались «заразными больницами» ([Сибирская советская энциклопедия, 1929: 216](#)).

Нормальное самочувствие военнопленных существенно зависело от организации питания. В «Положениях о военнопленных», принятых в 1914 г., потребительское право военнопленных на питание было организовано в соответствии с нормами российской армии. Например, русским солдатам и военнопленным на один день выделялось 409 граммов хлеба. Однако из-за неудач на полях сражений и продовольственных трудностей в империи указанные нормы питания неоднократно корректировались (Еремин, 2007: 260).

Местные военные и гражданские властные структуры придавали большое значение механизмам эффективного использования труда пленных, четко учитывая пути их реализации в соответствии с международными правилами. Власти привлекали военнопленных к выполнению промышленных и сельскохозяйственных работ в определенной системе: например, если участие солдат в трудовой деятельности считалось обязательным, то офицеры освобождались от обязательного трудового использования (Бургарт, 2002: 533). Они жили в квартирах и свободных местах военных казарм группами, отделенными от солдат, спали в кроватях и имели чистое постельное белье. Кроме того, в начальные времена войны офицеры получали жалованье в размере от 50 до 120 рублей на личные нужды. Этими деньгами они оплачивали расходы на отправку писем на родину, покупку сигарет, пошив одежды, заказ напитков и т.д. (Бургарт, 2002: 534).

Так как Западно-Сибирский регион в основном отличался развитием сельского хозяйства, осуществлялось участие пленных солдат в сезонных трудовых кампаниях в этой сфере. Контролем и организацией их работы занимались специально созданные уездные комитеты (Сибирская советская энциклопедия, 1929: 41). Среди областей, входящих в Западную Сибирь, большое значение по производству сырья и сельскохозяйственной продукции имела Акмолинская область. По данным переписи, в феврале 1915 года на территории Акмолинской области находилось 57 632 военнопленных (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36). По этнической структуре 56 438 человек относились к славянской группе, остальные принадлежали к венгерской, немецкой, румынской национальностям. По данным на 1916 год, в сельскохозяйственной отрасли и на предприятиях Акмолинской области трудились 9 442 пленных (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 37). Их разделение труда представлено в таблице (Таблица 1).

Таблица 1. Сферы занятости военнопленных в 1916 году в Акмолинской области (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36)

№	Сфера деятельности	Количество пленных
1	Сельское хозяйство	5 458
2	Торговая промышленность	2 862
3	Железная дорога	1 122

Анализ данных таблицы показывает, что большая часть военнопленных была занята в сельскохозяйственной отрасли.

По данным В.Н. Большакова, на 1 июля 1917 года в сельскохозяйственной отрасли Западной Сибири трудилось около 40 тыс. пленных (Большаков, 1980: 164). По сравнению с сельским хозяйством трудовой распорядок в сфере промышленности приобрел особый характер. В соответствии с «Положениями об отпуске военнопленных для работы на частных предприятиях», утвержденными Советом министров от 17 марта 1915 года предприятия были отнесены к важнейшему стратегическому объекту (Еремин, 2007: 261). В рамках данного положения количество военнопленных, работавших на заводах и фабриках, не должно было превышать 15 % от общей численности рабочих. Особенно это положение касалось предприятий, производящих военную оборонную продукцию (Еремин, 2007: 261).

Согласно пункту 9 «Положения» была установлена оплата труда военнопленных за выполненную работу. Для стимулирования добросовестного труда среди пленных, были назначены специальные надбавки и премии. По решению местных уездных спецкомитетов многие пленные получали надбавки (Бургарт, 2002: 535): например, некоторым из них, работавшим в цехе по производству шинелей в г. Атбасаре Акмолинской области (Таблица 2), решением специального комитета в августе 1915 года была назначена надбавка (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 11).

По данным Д.М. Зольникова, число пленных, трудившихся в индустриальной сфере Сибирского региона в период Первой мировой войны, составило более 5 % (Зольников, 1982: 75).

В 1914–1916 годах австро-венгерские военнопленные участвовали в строительстве крупных строительных объектов. Одним из них стала дорога в Семипалатинской области, которая в народе называлась «Староавстройка» (Бургарт, 2003: 481). Дорогой планировалось соединить села Катон-Карагай на севере области и Алексеевку на юге. С учетом холодов Западной Сибири строительные работы проводились в весеннее и летнее время. На строительстве работала бригада из более 800 чешских, венгерских, галицийских, австрийских военнопленных (Историческая энциклопедия..., 2009: 582). Строительство было завершено в 1916 году и несколько способствовало улучшению системы коммуникации региона (Надь, 2017: 146). По данным Л.А. Бургарта, в ходе строительства

умерли около 30 человек от различных заболеваний, и они были похоронены на местном кладбище. Их могилы с готическим крестом можно увидеть до сих пор (Бургарт, 2003: 484).

Таблица 2. Сведения о пленных, получивших надбавку (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 36)

№	ФИО	Национальность
1	С. Райхер	австриец
2	А.Н. Яворский	словак
3	С.М. Вухач	русин
4	Д. Агнеш	венгр
5	С. Хорак	чех
6	Я. Дуда	словак

По мнению историка И.А. Еремина, использование военнопленных в качестве рабочей силы для народного хозяйства края не достигло значительной эффективности. Одной из причин этого он называет отсутствие комплексной продуманной системы (Еремин, 2007: 261).

Военнопленные из Австро-Венгрии в Средней Азии (Туркестан): процесс адаптации и отношения с обществом

Условия содержания австро-венгерских пленнх в Средней Азии (Туркестан) требуют учета многих факторов. Во-первых, по сравнению с Западной Сибирью регион отличался жарким климатом и сложным географическим ландшафтом. Во-вторых, большая часть местного населения состояла из приверженцев мусульманской религии. В-третьих, материально-техническая база и уровень экономического развития региона были ниже, чем в Западной Сибири. В Туркестане было мало городов, где сосредоточились бы крупные предприятия, как в Омске, Тобольске, Кургане, Семипалатинске и Западной Сибири. Его главным городом считался Ташкент. В связи с этим было решено разместить первых военнопленных в казармах Туркестанского военного округа в Ташкенте.

Российская администрация старалась придерживаться национального принципа в размещении военнопленных. Однако это не оправдало себя на практике (Бейли, 2013: 92). Например, учитывая, что основная масса населения Туркестанского региона относилась к группе тюркских народов, не было допущено размещения военнопленных из Османской империи в Туркестане (Котюкова, 2017: 49). Кроме того, по сравнению с Западной Сибирью, в Среднюю Азию были отправлены пленнх, относящиеся к немецкой, венгерской, австрийской национальностям, отнесенным к группе малонадежных народов (Котюкова, 2017: 50). А в Сибири в подавляющем большинстве были сосредоточены пленнх, принадлежащие к славянской группе. Царские власти отказались из-за трудностей материально-технического обеспечения (хотя изначально планировали) содержать военнопленных славянских и других национальностей в отдельных лагерях. Тем не менее в Ташкенте пытались разместить в основном славян (хорватов, чехов, словенцев, словаков), а в Ходженте и Фергане – немцев, австрийцев, венгров (Ганн, 1961: 204).

По количеству военнопленных в Туркестане за 1915 год приводятся разные цифры. Например, если по официальным данным их было более 148 тысяч (ЦГА РУ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 47), то, по данным главы американской политической миссии Стерлинга, 82 425 пленнх были из Австро-Венгрии, 3 812 – из Германии. Среди них были молодые люди призывного возраста, привезенные с оккупированных территорий (Котюкова, 2017: 53).

С середины 1916 года военнопленных стали освобождать из-под стражи, но они находились под контролем полиции и обязались не покидать место жительства без разрешения. К концу 1916 года число заключенных в Туркестане достигло 200 тысяч (Ата-Мирзаев и др., 2004: 63). Количество военнопленных в таких городах, как Верный, Бишкек, Токмак, превысило население города. Эта ситуация вызвала беспокойство местных властей (Матвеев, 1977: 41).

Увеличение числа военнопленных в регионе создало угрозу жилищного и продовольственного кризиса. Более того, с июля 1915 года в Средней Азии разместилось около 70 тысяч беженцев из Прибалтики, Польши. Но к лету 1916 года царское правительство реэвакуировало их и сократило число до 15 тысяч (Чиркин, 2006: 114). Здесь возникает вопрос: что подтолкнуло правительство к размещению сотен тысяч военнопленных в малонаселенном Туркестанском регионе? Причины были следующие:

- удаленность региона от Европейской России (расстояние от Ташкента до Москвы составляет 3 300 км) и трудность побега;
- опора на продовольственный потенциал и дешевизну региона, где параллельно были развиты животноводство и земледелие, садоводство.

Обеспечение пленнх, привыкших к чистому пшеничному хлебу, необходимым продовольственным рационом требовало дополнительных затрат, так как хлеб из низкосортной пшеницы Средней Азии вызвал у пленнх желудочные заболевания и увеличил смертность (Котюкова,

2017: 55). Санитарно-медицинская система Туркестанского края оказалась бессильной в профилактике заболеваний и коренной ликвидации различных инфекционных болезней у многих тысяч пленных (Котюкова, 2017: 55). Медицинская отрасль региона нуждалась в квалифицированных врачах и медикаментах. Большинство пленные заболели, получив солнечный удар, лекарства против которого отправили даже из Копенгагена и Вены (Матвеев, 1977: 41). Правила содержания пленников офицеров в Западной Сибири действовали и в Туркестане. Например, отслеживалось их проживание в специальных казармах и квартирах. Они были освобождены от обязательных трудовых работ (Сенчек, 1961: 216), им были предусмотрены специальные выплаты для получения необходимых личных вещей. Австро-венгерским офицерам платили около 600 рублей в год, немецким офицерам – от 338 до 500 рублей в год (Котюкова, 2017: 57). Дифференцированный подход к офицерам обоих государств был обусловлен трудным положением русских пленников в лагерях Германии (Бейли, 2013: 86).

По прибытии в Туркестанский край военнопленных австро-венгерской армии поместили в военные казармы и училища в городах Ташкент, Наманган, Самарканд, Туркестан, Перовск, Верный, Казалинск, Коканд. В связи с этим курсантов училищ в городах Верный и Перовск пришлось отправить на ранний учебный отпуск (Котюкова, 2017: 57). При этом следует отметить, что военнопленные были перевезены в Среднюю Азию по железной дороге Оренбург–Ташкент (Этнический атлас, 2002: 74).

Военный губернатор Сырдарьинской области разрешил пленным строить или приобретать домики-особняки на собственные средства. В результате ряд офицерских групп из Австро-Венгрии в городах Казалы, Перовск на свои средства построили особняки (ГА ГТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 31). Во дворе их располагались баня, беседка и др. Власти приложили немало усилий для решения проблемы обеспечения пленников чистой питьевой водой, что создало дополнительные трудности для региона с постоянно засушливым климатом. В каждой казарме были колодцы, или вода перевозилась из других мест на конных повозках. В казармы городов вдоль станции, таких как Казалы, Перовск, Черняев, вода по железной дороге перевозилась из Ташкента (ГА ГТ. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 36).

Несомненно, следующим важным вопросом для военнопленных являлось установление отношений с обществом и родиной. Новости о происходящих международных политических событиях можно было узнать из газет и журналов и писем с родины. Военнопленные имели возможность покупать иностранные газеты, журналы, книги только с разрешения руководителя казармы. Однако необходимо отметить, что ограничения доступа к российским СМИ не были установлены (Чиркин, 2006: 128). Был установлен порядок передачи писем пленников на родину: сначала они передавались руководству казармы, а затем – военно-цензурному комитету при Туркестанском военном округе. Например, в 1916 году от австро-венгерских пленников, размещенных в военной казарме города Аулиеата, на родину было направлено 132 письма. Всего в казарме находилось 542 пленников (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 53), то есть более четверти заключенных имели возможность отправлять письма домой. По данным архива, большинство писем было направлено в города Вена, Будапешт, Прага, Нитра, Краков, Львов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 53).

Право на свободные связи с местным обществом больше имели австро-венгерские пленники славянского происхождения. Австрийцы, немцы, венгры должны были соблюдать ряд ограничений в данном вопросе. Встречались случаи, когда пленным, принадлежавшим к чешской, словацкой, русинской национальностям, разрешалось выезжать из мест проживания в другие города. Но они должны были быть зарегистрированы в специальной книге учета местного военкомата. В октябре 1916 года уроженцу Ужгорода пленнику Осипу Свитлику разрешили выехать из Бишкека в Верный. В его просьбе была указана причина увидеть двоюродного брата-беженца, проживавшего в городе Верный (Чиркин, 2006: 118). Исходя из этого, мы понимаем, что определенные категории военнопленных имели значительную свободу. Об этом в своем докладе отметил и представитель США, который в 1916 году приехал познакомиться с положением военнопленных в Туркестане (Котюкова, 2017: 58).

Посещение и проживание посторонних в лагерях и квартирах пленников были запрещены. Но при анализе ряда данных выяснилось, что этот запрет фактически не соблюдался. Например, в Перовске местным властям было известно, что подданная Австро-Венгрии Мария Гороховская прожила почти год в квартире своего пленного мужа (Котюкова, 2017: 59). Органы власти были в курсе, что она приехала в Среднюю Азию с паспортом беженца. Аналогичные события происходили и в Ташкенте, Намангане, Черняевке (Котюкова, 2017: 59).

Еще один порядок для австро-венгерских и германских военнопленных был установлен в отношении стиля одежды: им запрещалось покупать и носить одежду местных народов (шапан, такия). Это был шаг, который был сделан, чтобы предотвратить их побег (Этнический атлас, 2002: 135). Нарушение установленных для пленников порядков приводило к ссылке в отдаленные лагеря края – Гульча (Ферганская область) и Форт-Александровск (полуостров Мангышлак), откуда устроить побег было невозможно (Бейли, 2013: 87). Но, поскольку социально-нравственные права и общественные статусы сохранялись на значительном уровне, количество организованных побегов из числа пленников было крайне незначительным по отношению к общей численности.

Таким образом, можно утверждать, что различные аспекты жизни австро-венгерских военнопленных в Западно-Сибирском и Туркестанском краях соблюдались в соответствии с международными нормами и в результате осуществлялся процесс их репатриации на родину.

5. Заключение

Подводя итоги исследовательской работы, мы убедились в том, что австро-венгерские военнопленные испытывали различные трудности в евразийских степях в 1910–1920 гг. Их политико-идеологические, социально-экономические, морально-правовые ценности и установки находились под давлением общественных систем двух эпох.

Адаптивная деятельность пленных в новой среде формировала их общественно-социальные ранги. Последствия их жизни в Туркестане и Западной Сибири имели культурно-гуманистический характер. Как представители европейцев, австро-венгры, несомненно, создали условия для дальнейшего развития историко-культурного представления о Средней Азии и Западной Сибири. Оставшиеся в Западной Сибири и Туркестане бывшие пленные дали значительный импульс научно-техническому и хозяйственному развитию регионов.

Литература

[Альбат, 1917](#) – *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М., 1917.

[Ата-Мирзаев и др., 2004](#) – *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р.* Межнациональная толерантность в Узбекистане: История и современность. Ташкент: Университет, 2004.

[Бейли, 2013](#) – *Бейли Ф.М.* Миссия в Ташкент. М.: Языки славянской культуры, 2013.

[Белинский, 1914](#) – *Белинский А.И.* С кем мы дружили: исторический очерк русско-немецких отношений. Могилев, 1914.

[Большаков, 1980](#) – *Большаков В.Н.* Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1980. С. 151-172.

[Бургарт, 2002](#) – *Бургарт Л.А.* Материалы Земельных управлений по землеустройству в 1920-е годы как источник по истории немецких поселений в Казахстане / *Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941).* М.: МДЦ Холдинг, 2002. С. 528-545.

[Бургарт, 2003](#) – *Бургарт Л.А.* Сельское немецкое население Казахстана в XX веке: основные этнодемографические характеристики (по материалам всеобщих переписей населения) / *Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X междунар. конференции.* Москва, 18–21 ноября 2003. С. 473-499.

[Васильева, 1999](#) – *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: Ред. изд. центр МГОПУ, 1999.

[ГА ГТ](#) – Государственный архив города Ташкента.

[Ганн, 1961](#) – *Ганн Ш.* Мы дрались за Ташкент // *Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР.* М.: Воениздат, 1961. С. 201-207.

[Греков, 1997](#) – *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / *Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей.* Омск, 1997. С. 154-180.

[Дулатов, 2019](#) – *Дулатов Б.К.* Вопросы репатриации бывших граждан Австро-венгерской империи из Поволжья и Сибири в 1920-е годы // *Вестник ВолГУ.* 2019. № 5 (24). С. 148-161.

[Еремин, 2007](#) – *Еремин И.А.* Военнопленные первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета.* 2007. № 1 (310). С. 259-263.

[Жданов, 1920](#) – *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М.: Военная типография Всеросглавштаба, 1920.

[Зольников, 1982](#) – *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск: Наука, СО, 1982.

[Историческая энциклопедия..., 2009](#) – *Историческая энциклопедия Сибири.* Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.

[Киреева, 2006](#) – *Киреева Ю.В.* Условия содержания немецких и австро-венгерских военнопленных на территории Туркестанского военного округа (1914–1917 гг.) // *Военная история.* 2006. № 5 (23). С. 198-204.

[Клеванский, 1965](#) – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965.

[Колесников, 2018](#) – *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других славян в 1916–1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // *Русин.* 2018. Том 51. Вып. 1. С. 220-232.

Котюкова, 2017 – *Котюкова Т.В.* Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы первой мировой войны // *Россия и современный мир.* 2017. № 2. С. 47-64.

Маевский, 1957 – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957.

Матвеев, 1977 – *Матвеев А.М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому октябрю (1914 – октябрь 1917 г.). Ташкент: ФАН, 1977.

Надь, 2017 – *Надь З.* В поисках родных среди чужих // *Ежегодник финно-угорских исследований.* 2017. № 2. С. 139-148.

Особые журналы..., 2008 – *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.* М.: РОССПЭН, 2008.

Сибирская советская энциклопедия, 1929 – *Сибирская советская энциклопедия.* Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929.

Сенчек, 1961 – *Сенчек Г.* От Кракова до Туркестана // *Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР.* М.: Воениздат, 1961. С. 208-235.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чиркин, 2006 – *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.

Этнический атлас..., 2002 – *Этнический атлас Узбекистана.* Ташкент: ИООФС-Узбекистан, 2002.

Яковлев, 1993 – *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993.

References

Al'bat, 1917 – *Al'bat, G.P.* (1917). Sbornik mezhdunarodnyh konvencij i pravitel'stvennyh rasporyazhenij o voennoplennyh [Collection of international conventions and Government orders on prisoners of war]. Moskva. [in Russian]

Ata-Mirzaev i dr., 2004 – *Ata-Mirzaev, O., Gentshke, V., Murtazaeva, R.* (2004). Mezhnacional'naya tolerantnost' v Uzbekistane: Istoriya i sovremennost' [Interethnic tolerance in Uzbekistan: History and modernity]. Tashkent: Universitet. [in Russian]

Beili, 2013 – *Beili, F.M.* (2013). Missiya v Tashkent [Mission to Tashkent]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. [in Russian]

Belinskij, 1914 – *Belinskij, A.I.* (1914). S kem my družhili: istoricheskij ocherk rusko-nemeckih otnoshenij [Who we were friends with: a historical sketch of Russian-German relations]. Mogilev. [in Russian]

Bol'shakov, 1980 – *Bol'shakov, V.N.* (1980). Istochniki popolneniya rabochej sily v promyshlennosti Sibiri v gody pervoj mirovoj vojny [Sources of replenishment of the labor force in the industry of Siberia during the First World War]. Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma. Novosibirsk. Pp. 151-172. [in Russian]

Burgart, 2002 – *Burgart, L.A.* (2002). Materialy Zemel'nyh upravlenij po zemleustrojstvu v 1920-e gody kak istochnik po istorii nemeckih poselenij v Kazahstane [Materials of the Land Administration for Land Management in the 1920s as a source on the history of German settlements in Kazakhstan]. Nemcy Rossii: social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941) [The Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871-1941)]. M.: MDC Holding. Pp. 528-545. [in Russian]

Burgart, 2003 – *Burgart, L.A.* (2003). Sel'skoe nemeckoe naselenie Kazahstana v XX veke: osnovnye etnodemograficheskie harakteristiki (po materialam vseobshchih perepisej naseleniya) [Rural German population of Kazakhstan in the XX century: the main ethnodemographic characteristics (based on the materials of the general population censuses)]. *Klyucheveye problemy istorii rossijskikh nemcev: Materialy X mezhdun. konferencii. Moskva, 18–21 noyabrya.* Pp. 473-499. [in Russian]

CGA RK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Chirkin, 2006 – *Chirkin, S.V.* (2006). Dvadcat' let sluzhby na vostoке: Zapiski carskogo diplomata [Twenty years of service in the East: Notes of the tsarist diplomat]. M.: Russkij put. [in Russian]

Dulatov, 2019 – *Dulatov, B.K.* (2019). Voprosy repatriacii byvshih grazhdan Avstro-vengerskoj imperii iz Povolzh'ya i Sibiri v 1920-e gody [Issues of repatriation of former citizens of the Austro-Hungarian Empire from the Volga region and Siberia in the 1920s]. *Vestnik VolGU.* 5(24): 148-161. [in Russian]

Eryomin, 2007 – *Eryomin, I.A.* (2007). Voennoplennye pervoj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* 1(310): 259-263.

Etnicheskij atlas..., 2002 – *Etnicheskij atlas Uzbekistana (2002).* [Ethnic Atlas of Uzbekistan]. Tashkent: IOOFS-Uzbekistan.

Gann, 1961 – *Gann, Sh.* (1961). My dralis' za Tashkent [We fought for Tashkent]. Bylye pohody: Vospominaniya slovackih krasnoarmejcev–uchastnikov Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii

i Grazhdanskoj vojny v SSSR [Past campaigns: Memories of Slovak Red Army soldiers–participants of the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR]. M.: Voenizdat. Pp. 201-207. [in Russian]

[GA GT](#) – Gosudarstvennyj arhiv goroda Tashkenta [The State Archive of the city of Tashkent].

[Grekov, 1997](#) – *Grekov, N.V.* (1997). Germanskije i avstrijskije plennye v Sibiri (1914–1917) [German and Austrian prisoners of War in Siberia (1914-1917)]. Nemcy. Rossiya. Sibir': sb. Statej. Omsk. Pp. 154-180. [in Russian]

[Istoricheskaya enciklopediya..., 2009](#) – Istoricheskaya enciklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2009. [in Russian]

[Kireeva, 2006](#) – *Kireeva, Yu.V.* (2006). Usloviya sodержaniya nemeckih i avstro-vingerskih voennoplennyh na territorii Turkestanskogo voennogo okruga (1914–1917 gg.) [Conditions of detention of German and Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of the Turkestan Military District (1914–1917)]. *Voennaya istoriya*. 5(23): 198-204. [in Russian]

[Klevanskij, 1965](#) – *Klevanskij, A.H.* (1965). Chekhoslovackie internacionalisty i prodannyj korpus: Chekhoslovackie politicheskie organizacii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. [Czechoslovak Internationalists and the Sold Corps: Czechoslovak Political Organizations and Military Formations in Russia. 1914–1921]. M.: Nauka. [in Russian]

[Kolesnikov, 2018](#) – *Kolesnikov, B.V.* (2018). Polozhenie voennoplennyh rusinov i drugih slavjan v 1916-1917 gg. (po materialam Kamyshinskogo kazennogo pitomnika) [The situation of prisoners of war of the Rusyns and other Slavs in 1916-1917 (based on the materials of the Kamyshinsky state nursery)]. *Rusin*. 51(1): 220-232. [in Russian]

[Kotyukova, 2017](#) – *Kotyukova, T.V.* (2017). Turkestanskij plen: nemeckie i avstro-vingerskie voennoplennye v russkom Turkestane v gody pervoj mirovoj vojny [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossiia i sovremennij mir*. 2: 47-64. [in Russian]

[Maevskij, 1957](#) – *Maevskij, I.V.* (1957). Ekonomika russkoj promyshlennosti v usloviyah Pervoj mirovoj vojny [The economy of Russian industry in the conditions of the First World War]. M.: Gospolitizdat. [in Russian]

[Matveev, 1977](#) – *Matveev, A.M.* (1977). Zarubezhnye vyhodcy v Turkestane na putyah k Velikomomu oktyabryu (1914 – oktyabr' 1917 g.) [Foreign immigrants in Turkestan on the way to the Great October (1914 – October 1917)]. Tashkent: FAN. [in Russian]

[Nad', 2017](#) – *Nad, Z.* (2017). V poiskah rodnih sredi chuzhij [In search of relatives among strangers]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. 2: 139-148. [in Russian]

[Osobyje zhurnaly..., 2008](#) – Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1909–1917 gg. (2008). [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917]. M.: ROSSPEN. [in Russian]

[Senchek, 1961](#) – *Senchek, G.* (1961). Ot Krakova do Turkestana [From Krakow to Turkestan]. Bylye pohody: Vospominaniya slovackih krasnoarmejcev–uchastnikov Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR [Past campaigns: Memories of Slovak Red Army soldiers–participants of the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR]. M.: Voenizdat. Pp. 208-235. [in Russian]

[Sibirskaya sovetskaya enciklopediya..., 1929](#) – Sibirskaya sovetskaya enciklopediya. (1929). [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izd-vo. [in Russian]

[Vasil'eva, 1999](#) – *Vasil'eva, S.N.* (1999). Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. M.: Red.izd. centr MGOPU. [in Russian]

[Yakovlev, 1993](#) – *Yakovlev, N.N.* (1993). 1 avgusta 1914 [August 1, 1914]. M.: Moskvityanin. [in Russian]

[Zhdanov, 1920](#) – *Zhdanov, N.M.* (1920). Russkie voennoplennye v mirovoj vojne 1914-1918 gg. [Russian prisoners of war in the World War 1914-1918]. Moskva: Voennaya tipografiya Vserosglavshataba. [in Russian]

[Zol'nikov, 1982](#) – *Zol'nikov, D.M.* (1982). Rabochie Sibiri v gody pervoj mirovoj vojny i Fevral'skoj revolyucii [Workers of Siberia during the First World War and the February Revolution]. Novosibirsk: Nauka, SO. [in Russian]

Социально-общественная жизнь австро-венгерских военнопленных в Западной Сибири и Туркестане (1914–1917 гг.)

Шолпан Арапбаевна Забих^b, Юсуф Мехмет Жихангир^{a, *}, Гулжамал Толегеновна Жораева^a,
Тенгеш Серикбаевна Каленова^c

^a Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави,
Туркестан, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^c Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Первая мировая война способствовала формированию судеб австро-венгерских поданных в новой историко-географической среде: в Западно-Сибирском и Туркестанском краях, считавшихся дальними регионами Российской империи: им пришлось испытать на себе тяжелые условия жизни военнопленных. Политико-идеологические и социально-правовые аспекты военнопленных в Западной Сибири относятся к числу исторических вопросов, широко обсуждаемых в историографии. В последнее время интерес исследователей вызывает ситуация с адаптацией пленников Первой мировой войны в новых регионах, где они были размещены. А вопросы национального состава, социально-общественного и медико-санитарного положения австро-венгерских военнопленных, размещенных в концентрационных лагерях и городах Западной Сибири и Средней Азии (Туркестан), приобретают все большее значение в современной истории. В российских исследованиях интерес вызывают темы этнической принадлежности, трудовой повинности военнопленных в Туркестане и Западной Сибири. Также социально-бытовые вопросы положения беженцев из европейской части России в Среднюю Азию в 1915–1916 годах, касающиеся военнопленных, все же требуют комплексного рассмотрения, потому что с появлением беженцев условия содержания военнопленных в лагерях и городах Туркестана были усложнены.

Также вызывает научный интерес тема изучения общественно-социального статуса военнопленных в Туркестане. В данной статье рассматриваются социально-бытовые и общественные аспекты жизни австро-венгерских военнопленных в Западной Сибири и Туркестане в 1914–1917 гг. на основании архивных данных. Кроме того, дана объективная оценка позиций и взглядов на изучение истории военнопленных.

Ключевые слова: австро-венгры, военнопленные, Западная Сибирь, Туркестан, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kaz-bo@mail.ru (Ю.М. Жихангир)